Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4зр. 40кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвртр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбираетъся въ бюрѣ дирекціи книгонечатной Института Ставропигіянского.

ПИСЬМО ПОСВАЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 37 Львовъ, 7 Вересня 1856. РОКЪ XI.

СПАСИТЕЛЬ МІРА.

Серафъ съ небесъ взносился надъ Ѳаворомъ
И извлекалъ межь таинственнымъ хоромъ
Чудесный звукъ изъ золотистыхъ струнъ,
Звукъ мягкій разъ, — вновь громкій якъ Перунъ, —
И воспѣвалъ, якъ ветха тѣнь Закона
Почила вже внутрь благодати лона...

Летѣлъ Серафъ по надъ столѣтни кедры,
По надъ растенья жизненны и щедры, —
И ниспустился къ низинѣ горы —
Гдѣ въ лѣпотѣ божественной Зори
Сіялъ Спаситель міра межь народомъ —
Межь тѣмъ изъ тмы прозябшимъ новымъ плодомъ!

И роспростеръ Іисусъ святыя длани,
Чтобъ освятити овцы тѣ избранны,
Чтобъ привлечи и прочихъ въ виноградъ
Весь сборъ своихъ драгихъ, миленькихъ чадъ.
И тихо было! Всѣ склонили главы, —
Серафъ же воспѣвалъ пѣснь вышней славы!

Картина цѣла воздвиглась съ дремоты...
И радо дышала житьемъ щедроты;
Іорданъ шумѣлъ будьто пророчій хоръ, —
Шепталъ чтось тайно съ облакомъ Ѳаворъ,
А вѣтръ проснувшись въ кедровой вершинѣ
Дунулъ надъ градъ святый въ волшебномъ чинѣ.

Вознесъ Богъ-человѣкъ свой взоръ надземный,
И вже узрѣлъ будущій вѣкъ временный:
Тутъ мечъ трусливымъ рыбарямъ грозитъ —
Ворогъ не спитъ, — а юный духъ дрожитъ;
Тамъ видитъ вже въ самихъ концахъ вселенной
Блестящій крестъ всей церкви озаренной!

А весь народъ толпится дивнымъ ладомъ:
Тутъ мати нѣжится съ маленькимъ чадомъ —
И поучаетъ звати: „Отче нашъ!"
И пити бальсамъ съ благовонныхъ чашъ;
Тамъ грѣшница біется съ жалемъ въ груди, —
И вѣруютъ въ Христа собранны люди..

И роспростеръ Іисусъ святыя длани —
Благословячи тотъ народъ возбранный;
И миръ былъ всюду! бо любовь съ небесъ
Начала плыти на лучахъ чудесъ, —
Бо благодать, дочь вышняго Сіона
Заняла тронъ почившаго Закона.

Серафъ святый взносился надъ Ѳаворомъ..
И воспѣвалъ между надземнымъ хоромъ:
„Исчезла клятва! свѣтъ обнялъ весь родъ, —
Прозябъ вже съ мрака таинственный плодъ;
Царствуетъ крестъ! а въ новомъ виноградѣ
Бодрствуютъ пастыри при вѣрныхъ стадѣ!"

Емиліанъ съ Григорова

Третяя выпись съ записокъ второго путешествія съ Рима въ Іерусалимъ совершенного гр. священникомъ каѳ. церкви Ипполитомъ Терлецкимъ. —

ОДИНЪ ДЕНЬ ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ.

(Продолженіе)

Отъ сихъ поманниковъ шли мы къ югу сквозь цѣлое село Силоамъ, которого жители всѣ Мусулманами суть, и по большей части въ старинныхъ, жидовскихъ гробовыхъ печерахъ, въ скалѣ выкован-

ныхъ, или въ маленькихъ каменныхъ хатахъ обитаютъ. Село, якъ всѣ арабскіи, гидкое и не чистое. Перешедши село закрутилися мы на западъ, а спустившись съ горы перешли Кедронъ и стануливъ передъ источникомъ дѣвы Маріи, такъ и отъ Мусулмановъ нарицаемомъ. Положенный есть онъ глубоко въ скалѣ, и якихъ 30 степеней вкодятъ до него. Вода не имѣетъ ніякого истеченія внѣшнаго, но выкованнымъ въ скалѣ подземнымъ каналомъ переходитъ до другого источника, нареченного Силоамъ. Мусулмане черпаютъ отсюда воду въ бараніи шкуры, которымъ послѣ ихъ выправленья совершенный видъ барана надаютъ, итакъ розносятъ въ нихъ воду по городѣ. Отъ сего студенца начинаются сады и теперь еще, хотя уже шесть мѣсяцевъ ни капли дождя тутъ не было, гарно зеленѣющіися и водою Силоамского студенца орошаемы. Нѣкогда были здѣсь сады царя Соломона, и его лѣтній дворецъ, но теперь ни слѣда по нихъ не осталось. — На якихъ 300 шаговъ перешедши къ югу, встрѣчается другій студенецъ, также глубоко въ скалѣ выкованный, и почти 30 степеней вкодятъ до него. Въ серединѣ виднѣется въ скалѣ выкованный переходъ до студенца Маріи, которымъ послѣднимъ вода сюда течетъ. До сего то Силоамскаго студенца послалъ нѣкогда Іисусъ Христосъ слѣпого отъ рождества, послѣ чего онъ снова свое зрѣніе снискалъ. О началѣ сего источника розличныи розлично держатъ. Гдѣ нѣкоторыи розказуютъ, что онъ чудомъ явился для оутоленія жажды пророка Ісаіи, оутомленного страданіемъ, другіи оувѣряютъ ему начатися царствующу Іезекіи; иныи же думаютъ, что онъ еще существовалъ за времена царя Соломона. По свидѣтельству Іосифа чудный сей источникъ во время обсады Іерусалима Римлянами, отказывая воду свою преступнымъ Жидамъ, обильно изливалъ ею полкамъ Тита. Источника сего вода течетъ въ омурованный ставъ, созданный якъ думаютъ Соломономъ. Нынѣ той ставъ есть запущенный и опустѣлый, но еще теперь запирается водотечіе (каналъ) его, которымъ вода на внѣ проливается. Сломленны столбы стоятъ по обѣихъ сторонахъ поподъ стѣнами вдоль става, имѣющаго видъ четвероугольника, и доказуютъ, якъ гарно онъ нѣкогда былъ оукрашенный. Перешедши гроблю передѣляющу ставъ отъ садовъ, поподъ которою идетъ водотечіе и суть заставы, встрѣчается окопанное и стѣною обведенное дерево, памятникъ мѣстца, гдѣ св. пророкъ Ісаія былъ распиленный. — Оба сіи студенцы лежатъ въ ярѣ оу сада горы Моріи, которой часть, гдѣ теперь мечетъ Омара давнѣйше же церковь Соломона была, занята есть стѣною города. Во времена жидовскіи городъ протягался изъ сей стороны дальше и забиралъ въ себе мало не всю гору Морію и гору Сіонъ, котора на западъ тамтой лежитъ и не великимъ яромъ отъ ней передѣляется. Здѣсь кончится долина Іосафатова.

Продолжая наше шествіе къ югу яромъ, которымъ далѣе течетъ Кедронъ, пришли мы до студенца Негеміи, глубоко въ скалѣ выкованного; имѣетъ добру воду, которую шкураными ведрами розносятъ. Въ зимѣ вода сего источника возноситъ и проливается въ рѣчей Кедронъ. Памятный есть онъ сохраненіемъ тутъ святого огня во время плѣненія вавилонского. На востокъ сего студенца возносится гора соблазненія, потому такъ нареченная, понеже

царь Соломонъ въ старости своей, когда вопреки запрещенію Божію набралъ себѣ много женъ языческихъ, создавалъ тамъ капища для ихъ болвановъ. По за студенцемъ Негеміи яръ Кедронскій закручается на востокъ и тягнется до Іордана.

Мы свернулися на западъ по надъ яромъ, нареченнымъ Геенна, роздѣляющимъ гору Морію отъ горы Гакельдамы или поля крови. Цѣлая послѣдная гора полна есть старинныхъ жидовскихъ гробовъ, выкованныхъ въ скалахъ. Ползаючи лишь возможно до нѣкоторыхъ влѣзти, иныи же суть приступнѣйшіи. Будучи въ пяти таковыхъ гробахъ, всюда находили мы ряды комнатъ съ переходами, а по бокахъ выкованны гробы. Въ одномъ изъ нихъ нашли мы живописны предметы и олтарь, кѣдь во времена христіанскіи была тутъ церковь, но якая и коли? о томъ и слѣда нигдѣ нѣтъ. Въ другомъ встрѣтили мы пропасть людскихъ костей будьто якое побоевище или моровое кладвище. Но якихъ людей сіи смертны останки кто зазнаетъ? По надъ сею землею провѣяло столько происшествіи, она была позорищемъ столь многократныхъ и лютыхъ борьбъ и перемѣнъ, сбѣговищемъ такъ розличныхъ народовъ, что ничего догадатись нельзя; — мрака протекшихъ по надъ сими костьми вѣковъ оттѣнила здѣсь почиваюшихъ темностью забвенія. Подъ верхомъ горы оглядали мы памятное поле гончарское, цѣну пресвятой, праведной крови, которое старшина жидовская купила на погребеніе пришельцевъ за сіи 30 сребренники, которыи предатель Іуда взялъ былъ за продажу Спасителя, послѣ же вергъ ихъ Жидамъ въ церкви, опамятавшись за поздно, что продалъ Праведного. На противной сторонѣ при горѣ соблазненія показуютъ мѣстце, гдѣ нечистывый сей ученикъ повѣсилъ и роспукся.

Утомленны долгимъ шествованіемъ и жаромъ солнечнымъ, нехотѣлося намъ болѣе ничего глядѣти на горѣ Сіонской, черезъ которую мы переходили, да и пора уже поздна была, ибо не далеко второго часа пополудни. Потому постигнули мы просто къ воротамъ Сіонскимъ, которыи намъ по повелѣнію паши отперто; ибо тогда была пятница, день, который Мусулмане якъ у насъ недѣлю праздную́тъ. Посему отъ 11 до 4 часа пополудни замыкаютъ всѣ ворота города, ибо сіе время есть у нихъ постановленное къ молитвѣ. Доставшись въ городъ торопилися мы до конзуля французского, гдѣ насъ вожделанное снѣданье ожидало.

(К. с.)

УТРО И ДЕНЬ.

Повѣсть изъ новѣйшихъ временъ.

(продолженіе).

— „Я думаю, що моя Амалія не превмѣнитъ мнѣ ніякой неспокойности що до моихъ душевныхъ успособленій?"

„Совершенно нѣтъ! противно, я надѣюсь, що сей вечеръ будетъ однимъ съ найпріятнѣйшихъ для тебе!" сказала въ крайней радости Амалія, „Жанетто!" вскричала она на служанку, „Жанетто!"

Вошла тая Жанетта въ комнату, женщина середнаго возраста, величающая ся по всѣхъ мѣстахъ, що она есть родовитая Француженка. — Въ прочемъ ей уборъ былъ мало що не такій, якъ и скромной Анны, такъ що трудно бы было, рос-

познати госпожꙋ отъ слꙋжанки. . . Амалїѧ шепнꙋла щось тамъ Жанеттѣ въ оухо, котораѧ сейчасъ помчалась назадъ вихромъ, зачѣмъ она пꙋста дѣвчина въ дальшїй розговоръ съ своею жертвою вошла.

. . . .

Оуже сидитъ Анна средѣ комнаты на креслѣ, а коло ней крꙋтитсѧ ꙗкїй-то бородатый мꙋжикъ, который не кто иный былъ ꙗкъ фризїеръ, приликанный Жанеттою. Бѣдна Анна не вѣдала, що съ нею дѣетсѧ, и щобы лишь своей лихой подрꙋжцѣ догодити, сидѣла она тꙋтъ мовь на тꙋртꙋрахъ. не издаючи ниже одного стона своего внꙋтреннаго возмꙋщенїѧ. Амалїѧ же похождала себѣ по комнатѣ, и смотрѣла съ сотонскимъ оусмѣхомъ на свою безмолвнꙋ жертвꙋ.

„Отже такъ красно! такъ!" говорила она къ мꙋжикꙋ, „только больше пꙋдра! а тїи плетенїѧ должны быти возвышенными, такъ! О! ꙗ вѣдаю совершенно преимꙋщества того строѧ! Теперь можете себѣ отъити, ꙗ есмь оудоволенною!"

— „И щожъ вы сдѣлали съ моею головою! ай ай! мой Боже!" стогнала Анна — „Ꙗкїйсь дивный строй! покажи мнѣ; моѧ Амалїо! зеркало, да поглѧнꙋ на тое чꙋдовище!"

„Зеркало?! таже твои зеркала сꙋтъ заслоненны!"

—„Мою тоалетꙋ, лежащꙋ на комодѣ! Щожъ вы сдѣлали съ моею головою! ꙗкоесь страшное чꙋдо съ молодой женщины сдѣлати старꙋ бабꙋ! А що за дивны плетенїѧ! Амалїо, що ты мнѣ сдѣлала?". . .

Ха! ха! ха! ты моѧ мала невѣжо! ꙗкъ то ты не вѣдаешь, що въ давныхъ временахъ даже и молодыи дѣвицы такъ строились? ха! ха! ха! То не есть сиваѧ, лишь напꙋдренная голова!"

— „Ахъ! що за неизносимый строй! Еслибымь не вѣдала, що тое дѣетсѧ съ совѣта моей подрꙋжки, тобымь сейчасъ посбылась сей свѣты!"

А на дворѣ вѣнꙋетсѧ страшная метелица, не видно ни на шагъ свѣта божїѧ, цѣла природа видитсѧ погрꙋженною быти въ очаѧнный хаосъ! Вѣтръ шатаетсѧ оужаснымъ образомъ, и разъ плачетъ, то сногнаетъ, то снова выетъ бꙋдьто въ ꙗкомъ вертепѣ безденномъ!

„А! то добре!" вскричала наразъ Амалїѧ радостно, „вотъ видишь моѧ Анно принесенныи оуборы длѧ тебе! О Жанетто летаешь ꙗкъ стрѣла!"

— „Но ты мнѣ казала, що и ты нарѧдишьсѧ тѣмъ строемъ ꙗкъ и ꙗ! Щожъ! ты не додержꙋешь данного обѣщанїѧ!"

„Вотъ видишь! теперь пришла мнѣ иная дꙋмка на мысль; такъ то! съ минꙋтами минаютъ и наши помышленїѧ, а иныи настꙋпаютъ на ихъ мѣсто!" сказала хитра Амалїѧ. — „Впрочемъ моею единственною оутѣхою бꙋдетъ, тебе такъ прїодѣтою видѣти. Ꙗ наражꙋсѧ въ оуборъ Амазонки!"

— „Тое печалитъ мѧ! ахъ! чемꙋ ты такъ недоброю есь?"

„Потерпи ино! а потомъ оувѣришьсѧ, що лꙋчше было тебѣ единой такъ оустроенною быти! Но тꙋтъ старинныи ризы, оуспособленны точно ведлѧ твоихъ собственныхъ, тайно отъ тебе взятыхъ длѧ тебе."

— „Що за чꙋдовище! Ꙗкїйсь дивный крой, а що за сморщины надъ рꙋкавами! Амалїо! Амалїо! ты шꙋтишь себѣ съ мене! Но о горе! таже то дахъ запираетсѧ въ той тѣснотѣ! Ахъ! оулегчи мнѣ

дыхати; по щожъ такъ тѣсный станъ?“

„Ба! таже то щось стремитъ подъ платьемъ на твоихъ грꙋдахъ! що то есть?!”

— „То есть крестикъ, подаренный мнѣ отъ матери на ложѣ смертномъ!”

„Ай! мѣдяный крестъ, и такъ великїй! вотъ сохрани его теперь до комоды; онъ тебѣ на запонѣ есть!“ болтала бѣшенна Амалїѧ.

— „Амалїо! що ты говоришь? Крестъ на запонѣ? О никогда! кого крестъ соблазнѧетъ — говорила мнѣ иногда моѧ мати, — той бꙋдетъ самъ въ соблазнь въ день сꙋда!“ Ѧ не покинꙋсь того креста до гробовой доски!“ . . . .

Ѧкбы громомъ пораженна молчала пꙋста Амалїѧ, и только въ страшенномъ спокойствїи наряжала Аннꙋ въ драгоцѣнный шаль и въ наглавный оуборъ.

— „И гдѣжъ сꙋтъ твои оуборы?“ вопросила Анна, не вѣдаючи совершенно, ѧкъ себѣ постꙋпити въ теченїи той бѣшенной сцены.

„Жанетта принесетъ таковый сейчасъ! Отже такъ хорошо! Тотъ оуборъ есть онымъ, о которомъ ѧ всегда мечтала, а теперь въ Тебѣ осꙋществленный вижꙋ! Истино, господскїй строй, достойный почитаннымъ быти отъ цѣлого высшаго, салонового свѣта! А тꙋтъ имѣешь превосходнꙋ маскꙋ!“ . . . .

Въ томъ далѧ слышати въ прилежащей комнатѣ ѧкїй-то напѣвъ вшедшаго мꙋжчины. . . . .

„Вотъ пришелъ твой юный мꙋжъ! О! вѣдаю ѧ, що онъ совершенно оцѣнитъ той старинный строй, ниже наши дѣды величались! Господине Отто! прошꙋ но! загостѣтъ въ комнатꙋ Анны, и приглѧдитеся ей масковомꙋ оуборꙋ! Що? нравится ли онъ вамъ или нѣтъ?”

Истино вошелъ въ комнатꙋ женщинъ веселый Отто, приспѣвꙋючїй себѣ подъ носомъ ѧкꙋю тамъ пѣснь изъ оперы. . . .

„Анно! моѧ люба Анно! Ѧкже ты чꙋдно преобразилась! ай! Кто бы тꙋтъ могъ познати въ тебѣ мою женꙋ! О! нынѣ выдаешьсѧ мнѣ далеко прелестнѣйшею быти, нежели иногда!”

— „Но если мой мꙋжъ не порицаетъ мѧ взглядомъ того оубора, то ѧ есмь совершенно спокойною!”

„И ктожъ есть виновникъ той счастливой идеи?“

— „Моѧ подрꙋжка Амалїѧ, — недобраѧ Амалїѧ! Ибо хотѧ ты похвалѧешь мой строй, однакожъ ѧкїись дивныи чꙋвства колнꙋютсѧ въ мнѣ!”

„Моѧ панночко Амалїо!” сказалъ восторженный Отто, ѧ есмь вамъ безконечно виноватъ за вашъ счастливый вымыселъ; ибо вотъ имѣю приличнꙋю способность, привести въ дѣйствїе мою одинственнꙋ дꙋмкꙋ!” То сказавши отошелъ Отто въ свою комнатꙋ и возвратилсѧ скоро съ онымъ нашейникомъ въ рꙋцѣ и съ онымъ образомъ, которыи то вещи Анна еще не видѣла.

„Вотъ що за быстроꙋмнаѧ гадательница вы есьте!” продолжалъ Отто свою рѣчь, „бꙋдьто пророческимъ видѣнїемъ избрали вы тꙋю счастливꙋ способность, дабы ѧ моей Аннѣ вмѣсто въ день ей оурودинъ скорьше и въ приличнѣйшимъ дни жертвовати тотъ оуборъ возмогъ. Ибо щожъ, Вы вѣдаете, ѧкъ скромною моѧ сꙋпрꙋга есть, она воистинно не приняла бы тое семейное сокровище къ своемꙋ праздничномꙋ строю; но днесь, когда Ты Анно! репрезентанткою есь моей прабабки начертанной на сей картинѣ, прїйми отъ

мене тотъ нашейникъ въ знамя моей любви, и въ память моего древнаго рода, а если не прiймешь его яко госпожа Анна Россъ, прiйми яко представительница собственной госпожи того сокровища. Есть-то весьма драгоцѣнный нашейникъ, въ серединѣ тогожъ красуется красный дiамантъ, кругомъ же простираются бриланты!"

Ай! що за прехорошiй нашейникъ, видишь-ли Анно!" говорила Амалiя, позорнымъ окомъ позираючи на драгоцѣнный уборъ, „глянь но прилѣжно на твое стяжанiе!"

— „О! той нашейникъ не есть для мене! я не любуюсь въ обманчивыхъ красотахъ житейскихъ! мой уборъ милѣйшiй есть вѣнецъ цвѣтный" болтала Анна будьто въ снѣ.

„А наложите, панночко Амалiо! той уборъ на шею скромной Анны! она не вѣритъ своимъ очамъ!"

— „Никогда! никогда! то змѣй! онъ мя укуситъ!" вскрикнула тревожливо Анна.

„Моя люба жено! я не уговориваю въ Тебе, щобы ты и на дальше той нашейникъ носила, нѣтъ! я только умоляю тебе, щобы ты лишь нынѣ вечеръ нимъ нарядилась, таже будешь въ маскѣ, и никто не замѣтитъ, що въ той старинной госпожѣ скрываетсяя скромная Анна. Прошу тя не откажи мнѣ моего прошенiя!

„Люба сестро? вотъ не чуждайся! таже ты не дѣтина. . . А! якъ хорошо укладаетсяя нашейникъ на ей шею; думалбы кто, що онже съ умысломъ для Анны сдѣланный есть. И чегожъ трясешь ся моя головко!" Такъ проговорювала льстива Амалiя и наложила насилiемъ тотъ уборъ на шею возмущенной сироты. И щобы совершенно добити свою конающу жертву отклонила пуста дѣвчина великое зеркало и закела предъ нее безчувственну Анну.

Уже не памятала ничь о себѣ бѣдная жертва, оглушенна такъ ужасными ударами свирѣпой судьбы, поддалась она совершенно влiянiю Амалiи и Оттона, — чувствiя непорочныи благородной сиротки помрачились, и будьто невольно вляпила она свой взоръ въ льстивое зеркало. Истинно! не познала себе! Вмѣсто оной невинной, нѣжненькой Ганьси стояла тутъ якась стройная матрона, не подобна ни въ найменьшихъ чертахъ до прежней невинной дѣвчиника. Глянула первый разъ въ своемъ житiи пристальнымъ удовольствiемъ въ зеркало, а гордына, тотъ врогъ нашей неповрежденныхъ чувствъ, воцарилась смертнымъ видомъ въ душѣ Анны. Якось отвратилась изъ своего становища, и не памятаючи уже ничь о себѣ, ниже внимаючи похвалительнымъ восклицанiямъ присутствующихъ, впала мало що не безъ смысловъ на кресло при фортепанѣ и начала якую тамъ фантазiю изъ оперы: „Робертъ дiаволъ" играти ...

А на дворѣ вѣсневетсяя метелица смертоносными дыханiемъ, свирѣпо выетъ въ коминѣ втиснувшiйся вѣтръ будьто бы плакала якая душа изъ чистилища за утраченною земною сестрою; и будьто якимъ чудомъ началъ стѣнный часомѣръ безправильнымъ способомъ нѣсколько надесять часовъ безпрерывно звонити, наконецъ щось заворчало въ немъ, и умолкло.

Такъ то! былъ то ужасный день, чудовище мирной природы, день сумный, будьто рыдающiй съ духами надъ невольно ослѣпленною душею - надъ Анною. Не былъ то оный день, въ немже оная невинная дѣвчинка утромъ ска-

тыи образы оукрашала, и въ огромномъ зеркалѣ природы Божїе Всемогущество и щедроту подиклала, — но былъ то такїй день, въ которомъ казалось око Божїе отвращеннымъ быти отъ зрѣлища свѣта, въ которомъ духи плакати возмнѣлись, — въ которомъ наконецъ госпожа Россъ въ помраченїи своего оума, пригладѣвшися къ льстивомъ искусномъ зеркалѣ на свою светну красоту, варїацїи изъ Роберта дїавола играла! —

Такїи то суть слѣдствїя злобного воспитанїя, нечестивыхъ примѣровъ, и льстивыхъ оуговоровъ! О Боже! милосердный Боже! якже страшный отвѣтъ имѣютъ тебѣ воздати лжеводители святой невинности! якимъ же дѣломъ постоятъ тїи земныи дїаволы предъ твоимъ всеправедливымъ судищемъ — тїи обманщики, которыи райскїй цвѣтъ земли своимъ адовымъ дыханїемъ отравляютъ, которыи образъ твоего естества сатанинскимъ подобищемъ помрачаютъ?! Боже великїй въ праху оупадаемъ предъ тобою и молимъ смиреннѣйшимъ гласомъ: Буди милостивъ намъ грѣшнымъ, и ниспосли намъ вседѣйствующу благодать, дабы мы не впали на пути оужасной тмы въ безденну пропасть!!! . . . .

Госпожа Россъ сидѣла еще при фортепянѣ, и не могучись освоити съ своимъ теперешнимъ состоянїемъ не внимала оуже ничему, що бы могло въ ей комнатѣ событися, и даже не примѣтила якъ ей мужъ былъ вышелъ, . . . лишь играла только при крайнѣйшемъ внутреннемъ волненїи якїись отрывныи фантазїи, коли наразъ не довкая кухарка пришествїе якогось человѣка, возвѣстила, додаючи своимъ словамъ, що онже конечно видѣти хочетъ госпожу Анну Россъ

— „Що се такого есть?" заболтала Анна, возбуждаючися отъ своего злобного мечтанїя. „Амалїо! що она сказала?" „Ай! ай! я не вѣдаю, якимъ дѣломъ ты такъ глупыи слуги держишь! Вотъ мы наряжаемся на масковый баль, а твоя кухарка хочетъ во нашъ салонъ якогось гостя ввести!"

— „Никогда! никогда!" крикнула Анна мовь обваренна подъ такъ страшенными влїянїями сего дня, „щожъ? — тое не возможно! кромѣ що ролю акторки отъиграти хотѣла бы я. Прочъ! прочъ! скажи оному гостю, що я днесь не есмь въ расположенїи визиты прїймати! . . ,

„ Тф! и намъ не пришло прежде на мысль двери затворити! Но гдѣжъ! ни моей любой подружцѣ ни мнѣ не пришла думка „ о якомъ то возможномъ посѣщенїи!

Въ томъ роздался въ прилежащихъ сѣнахъ якїй то стукъ и крикъ и безъ сомнѣнїя было то знакомъ, що кухарка препятствуючи невозжеланного гостя въ комнату войти, была съ пришельцемъ въ сварливомъ розговорѣ.

„ О! то оуже за много! " гомонилъ мужескїй-трубный голосъ въ сѣнахъ, „Що? мнѣ оуступити! при всѣхъ картечахъ и гранатахъ! щожъ тутъ за новая пѣснь! Я имѣлъбымъ лишитися того счастїя мою сердечную Ганусю въ ей новомъ сожитїи повитати, коли я на ей порогу есмь? Нѣтъ! Маршъ! . . . И съ тѣми громоносными словами якъ торгнулъ оупрямый гость тонкими дверьми, такъ и отворились оныи въ тотъ самъ часъ, коли Амалїя засувкою еще не затворила подвои.

„Ахъ! да та чертъ беретъ, ты простый бродѧго!“ запищала Амалїѧ, коли гость съ насилїемъ къ комнатꙋ вошелъ, „ахъ! ахъ! мои пальцы! видишь моѧ подрꙋжко, ахъ! мои пальцы сꙋть совершенно сокрꙋшенны подъ оударомъ того бѣшенного простака! Чего ты тꙋтъ хочешь! га? воистинно дꙋмалъ, що тꙋтъ корчма и про тое такъ ломалъ ты всѣ двери, дабы ино до оулюбленной парꙋхи добитись! Прочъ оттꙋдꙋ! Чего медлишь? Тꙋтъ не корчма и тꙋтъ не найдешь кїꙗкой Ганꙋси, дабы тебѣ съ званомъ горѣлки въ стрѣчꙋ взошла!

„А мой Боже! щожъ ꙗ сдѣлалъ? а! ꙗ дꙋмалъ, що найдꙋ мою любꙋ Ганꙋсю, а такъ вижꙋ цѣлкомъ чꙋжи лица! Перепрашаю мои достойны госпожи! не чꙋждайте сѧ надъ старымъ Борисомъ, который даже не чꙋждалсѧ сей днешней метелицы, дабы ино своимъ раемъ наслаждатись. О мой Боже гдѣжъ она?

Страшенно встрепенꙋлась Анна, когда оузрѣла вшедшаго гостѧ. Ей очи померкли смертоносным мракомъ, въ грꙋди ей волновались ꙗкїись непонѧтныи чꙋвствїѧ, ей видѣлось, що на ей головѣ и на ей шеи вьетсѧ ꙗкїйсь змѣй, потщающїйсѧ бꙋдьто оудꙋсити преображеннꙋ Аннꙋ. (П. с.)

ДОПИСЬ *

Словита 14. Септября 1856. При распочатіи нового школьного року не одни можетъ быти родичи въ великомъ находятся клопотѣ, гдѣбы то свои доны въ науку отдати! Ибо то не много такихъ имѣемъ заведеній, которыи бы воспитаніемъ дѣвчатъ занималися. Съ той причины принужденныи суть родичи, особливо въ тѣхъ часахъ, либо держати въ своихъ домахъ губернантки, что съ великими трудами и клопотами есть случeнно и не для каждого возможное — либо умѣщати дѣти свои въ заведеніяхъ приватныхъ, въ которыхъ много обѣщаютъ а мало додержуютъ, якъ то не разъ родичи по великихъ выдаткахъ той печальный опытъ дознаютъ, что ихъ дѣти ни потребной выгоды, ни науку тамъ не имѣли. А еще до того такіи заведенія по великихъ городахъ глядѣти нужно, ибо на провинціи и такихъ неимѣемъ. —

Монастырь честныхъ Василіанокъ въ Словитѣ который по своей обязанности давнѣйше такъ долгій часъ воспитаніемъ дѣвчатъ занимался, принужденъ былъ отъ нѣсколькихъ лѣтъ тое залишити, съ той найболѣе причини, что не имѣлъ добрыхъ и способныхъ учителекъ. — Теперь однакожъ, коли въ искусъ иноческій (новиціатъ) Монастыря Словитского нѣсколько уже сголосилося кандидатокъ, которыя и до обучанія дѣвчатъ способными суть; — то можетъ быти возжеланну кому сдѣлаю прислугу, подаючи до общей вѣдомости, что того уже року дѣвчата до воспомянутого Монастыря на науку принятыми быти могутъ, гдѣ ихъ красное, здоровое и выгодное обиталище, старательный надзоръ; словомъ всякое попеченіе о ихъ выгодахъ ожидаетъ. — Что же касается науки, то вократцѣ лишь помяну, что тая по предписанной школьной системѣ и съ школьныхъ книжекъ удѣлятися будетъ, — при чемъ однакожъ особлившій взглядъ на тое имѣтися будетъ, чтобы воспитанницы также инымъ благополезнымъ свѣдѣніямъ, яко то: Исторіи, землеписанію, выработкамъ дѣвочимъ, плясамъ, а въ часѣ и музыцѣ обучатися имѣли способность. Принятіе въ воспиталище и удѣленіе наукъ отъ 1. Октября с. р. распочинется. —

Викторъ Дембицкій
Вице-Прокураторъ Монастыря Словитѣского.

* Искренною благодарностію одолжаемся поч. нашему дописывателю, и молимъ его, чтобъ и въ будущности немощныя наши силы покрѣплялъ, именно любопытню было бы узнати всѣ условія воспринятія въ упомянутое воспиталище. Тую мольбу засылаемъ и до прочіихъ поч. родимцевъ, чтобъ насъ своими корреспонденціями чаще спомоществовали, ибо въ дописяхъ живо отражаются всѣ потребы и недостатки нашего народа; а унывающій духъ его ободряется, — братья викмайте!

Прим. Ред.

Тупомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.